
МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ

ВИДО-ВРЕМЕННАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА РЕЧИ
В РЕЧЕВОМ АКТЕ
(ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ВИДА И ВРЕМЕНИ)

© 2013 г. Е. Н. Никитина

В работе предложена интерпретация исторических изменений в выборе акцентной и видо-временной формы глагола *признаюсь* в XIX – начале XXI вв. (от наст. несов. к буд. сов.), опирающаяся на тексты и толковые словари разного времени. Этот выбор обусловлен как особенностями лексической семантики данного глагола, так и речевыми тактиками.

The paper regards the evolution of the verb *признаюсь* [‘*priznáyus*’ and ‘*priznayús*’ – ‘I confess’, ‘to tell the truth’, ‘in short’] in terms of accent, tense, and aspect categories (from the present imperfective to the future perfective), as the verb appears in discourses and in dictionaries of 19th–21st cent. This study confirms the idea that selection of aspect and tense depends on certain specifics of lexical semantics and discourse tactics.

Ключевые слова: перформатив, текст, метатекст, констатация, интерпретация, говорящий, адресат.

Key words: performative, text, metatext, statement, interpretation, speaker, addressee.

1. Вступительные замечания

Категория вида получила широкое освещение в русистике середины XX–начала XXI вв. как в системно-грамматическом (парадигматическом), так и текстовом аспектах. Как и при интерпретации всех глагольных категорий, встает вопрос о связи вида с фигурой говорящего, т.е. с субъективным, модусным измерением высказывания и текста. При изучении речевых глаголов “в рамках прагматической ситуации” (Н.Д. Арутюнова), т.е. речевого акта, видовая проблематика получает особый поворот.

Речевые глаголы и их видо-временные характеристики рассматриваются в теории речевых актов. Важным аспектом изучения глаголов речевой семантики является проблема слова как действия, т.е. перформатива (в классическом случае произнесение речевого глагола в форме наст. вр. 1-го л. ед. ч. становится речевым действием), и условий реализации перформативного значения. В рамках исследования речевых глаголов в речевой ситуации поднимается вопрос о соотношении вида и модусной категории (т.е. связанной с говорящим, “момент речи”). В частности, “при актуально-длительном значении вида момент речи работает как включенный интервал, а при перформативном употреблении момент речи задает объемлющий интервал”. Тем самым раз-

граничиваются ситуации “слово о мире”, “слово о своем действии” (актуально-длительное значение) и “свое слово и действие” (перформативное употребление) [1, с. 41]. Речевые глаголы (и другие, неглагольные, средства) изучаются и с точки зрения их роли в создании “метатекста в тексте” [2], они предъявляют текстовые тактики говорящего и являются средствами реализации речевого Я-модуса.

В центре внимания нашего исследования – форма 1-го лица *признаюсь* в письменном тексте и проблема ее видо-временной характеристики в текстах разного времени. Прослеживаются изменения в описании ее в словарях XIX–XXI вв. и в Я-текстах того же времени. Исторический выбор формы (наст. несов. – буд. сов.) обусловлен как особенностями лексической семантики этого глагола, так и речевыми тактиками. Предметом исследования является история “превращения” *призна'юсь* в *призн'аюсь*, которая осуществлялась в русской речи на протяжении начала XIX – и всего XX вв. (форма буд. сов. стала употребляться чаще, чем форма наст. несов.) и отразилась в толковых словарях разного времени. Крайние точки этого процесса нашли отражение в двух словарях. Так, “Словарь языка Пушкина» в рамках статьи ПРИЗНАВАТЬСЯ со значением “открыто, откровенно рассказать, объявить о чем. н.” после двух косых черт приводит исключительно форму

1-го л. ед. ч. наст. вр. *призна'юсь* “в значении вводного слова”¹ [3, с. 768]:

- (1) *Узнал я резкие черты
Неподражаемого слога;
Но перевертывал листы
И – призна'юсь – роптал на Бога.*

“Вводное значение” для форм сов. в. допускается только для инфинитива *признаться* (в статье ПРИЗНАТЬСЯ), но не для спрягаемой формы (**призн'аюсь*); тем самым форма буд. вр. сов. *призн'аюсь* не участвует во “вводном значении”. А в современном толковом словаре 2009 г. [4] в рамках статьи ПРИЗНАТЬСЯ выделяется самостоятельное значение 2 “говоря откровенно, если сказать правду” с усеченной парадигмой, которая представлена исключительно формами сов. в. – инфинитив *признаться* и 1-е л. ед. ч. буд. вр. *призн'аюсь*. Почему одна форма стала выбираться чаще, чем другая? Ответ на этот вопрос предполагает обращение к словарям и текстам.

2. *Признаюсь* в толковых словарях XX–XXI вв.

В сюжете о *признаюсь* соединяются лексико-семантический (представленный в толковых словарях) и синтактико-коммуникативный (представленный в текстах) аспекты изучения. Если опираться на идею Д.Н. Шмелева, который, обращая внимание на взаимообусловленность значения и синтаксического поведения лексической единицы, писал: “Чем закрепленнее данное значение в парадигматическом плане², тем оно свободнее в синтагматическом плане. И наоборот – чем оно свободнее, менее закреплено в парадигматическом плане, тем закрепленнее в синтагматическом плане” [5, с. 100], то применительно к *призна'юсь-призн'аюсь* это вторичное, а тем самым синтагматически закрепленное, лексическое значение. Оно модусно- и конструктивно-обусловлено, что проявляется в ограничениях морфологических и синтаксических: значение представлено формами инфинитива (*Признаться, этого я не ожидал*) и 1-го л. ед. ч. (*Признаюсь, я не читал этой книги*), реализуется во вводной (парентетической) позиции и позиции предиката главного предложения

¹ При этом, однако, в [3] к этому значению отнесены и случаи, когда 1-е л. ед. ч. участвует в построении главного предложения в составе сложноподчиненного с придаточным изъяснительным, см. примеры из писем Пушкина в разделе 4.

² Д.Н. Шмелев называет парадигматически закрепленными свободные лексические значения многозначных слов: они свободны от контекста, представление о них возникает у носителей языка в первую очередь при произнесении данного слова, см. [5].

в составе сложноподчиненного с придаточным изъяснительным (*признаюсь, что...*).

Все эти признаки отражены в традиционных толковых словарях начиная со Словаря Ушакова (1935–1940 гг.) [6]. Динамику интерпретаций вида и времени в форме *признаюсь* в значении 2 можно проследить по традиционным толковым словарям XX–начала XXI вв. [4, 6, 9, 10, 11, 13, 14, 15] и по словарю нового типа, толковому словарю синонимов (2004 г.) [7], который отходит от традиции разграничения этих двух значений. (Сразу приходится исключить словари, имеющие своей целью предписание, обусловленное не типом речевой ситуации, а словоизменительной парадигматикой, которые приводят обе видовые формы как равноправные с указанием формы 1-го л. ед. при каждом входе. Это словари орфографические и орфоэпические.)

Традиционные толковые словари при разграничении разных значений *признаюсь* ориентируются на речевую (диалогическую) ситуацию и функцию слова в речи. Они выделяют (1) значение с полным актантным набором (“признаться кому-чему в чем” – *Признаться в любви, в преступлении*) и полной парадигмой по лицу, т.е. “диктальное”, и (2) значение с усеченным актантным набором и усеченной парадигмой, “модусное”. Словарь [7], в отличие от других отечественных словарей, рассматривает все употребления глагола *признаваться 1* (доминанты синонимического ряда) в рамках одного значения, особо оговаривая “ослабленные употребления” (что может означать “потерю” некоторых актантов) в перформативной функции. См. также работу [8], выполненную в рамках МСШ, где выделяются два значения *признаваться*, а функциональное разграничение между *признаваться 1* и *признаваться 2* связано со сферой употребления: 1 – общеупотребительное значение, 2 – юридическое. Функциональность, предназначенность служить в определенной речевой ситуации (юридической) обнаруживает перформативное значение глагола *признаваться*.

Если вернуться к структуре значений, представленных в традиционных словарях, то второе из них связано с речевым модусом (роль говорящего как субъекта речи). В парадигму этого значения могут входить, как было сказано выше, только формы инфинитива сов. в. и 1-го лица. Относительно того, какая видо-временная, а следовательно, и акцентная форма попадает в парадигму модусного значения, между словарями имеются расхождения.

Так, словарь [6] приводит значение 2 в рамках статьи ПРИЗНАТЬСЯ и отдает приоритет форме

буд. вр., помещая форму наст. времени, как дополнительную, в скобки. Это решение может опираться как на реальную частотность *призн'аюсь* в речи, так и на соображения формирования словоизменительной парадигмы на базе форм одного вида, см.: “инф. *признаться* (несов. не употр.) и 1 л. *призн'аюсь* (несов. *призна'юсь*) со словами *тебе, вам* или без них употребляется также как вводное слово для характеристики своей склонности, состояния или переживания в значении ‘говоря откровенно, если сказать правду’ (разг.)”.

Напротив, Большой Академический словарь (БАС, 1948–1961 гг.) [9] в статье ПРИЗНАВАТЬСЯ выделяет значение 2, собирающееся из форм разных видов – инфинитива сов. в. и 1-го л. несов. в.: *признаться, призна'юсь*:

(2) *Я, признаюсь, не понимаю, зачем вам угодно было ко мне пожаловать?* (Тургенев).

БАС [9] допускает ударение на основе глагола в составе вводных сочетаний *признаться, призна'юсь, призн'аюсь (вам) откровенно, честно, по совести, по чести* и т.п.:

(3) *Мне было уже за тридцать лет, когда я прочитал “Детские годы Багрова-внука”, и, признаюсь откровенно, прочитал почти с завистью* (Салтыков-Щедрин).

Очевидно, что для авторов БАС [9] приоритет *призна'юсь* связан с ориентацией на литературные примеры и литературную норму XIX в., а допустимость формы *призн'аюсь* ограничивается контекстами с наличием глагольных зависимых (выражающих адресата и квалификацию действия).

В Малом Академическом словаре (МАС, 1957–1961) [10] каждый из видов глагола имеет отдельную статью, поэтому модусное значение 2 и его парадигма (инфинитив и формы 1-го л.) оказываются распределенными между двумя статьями: “ПРИЗНАВАТЬСЯ 2. 1 л. ед. наст. вр. Признаюсь” и “ПРИЗНАТЬСЯ 2. неопр. признаться и 1 л. ед. ч. буд. вр. призн'аюсь. Употребляется как вводное слово в значении говоря откровенно, если сказать правду”. Интересно, что значение (2) в статье ПРИЗНАТЬСЯ не получает иллюстраций в форме 1-го лица (*призн'аюсь*), т.е. авторы допускают эту форму, но не решаются приписать ее реальным примерам из художественной литературы.

Разные издания самого массового словаря, Словаря Ожегова, предоставляют возможность подробно проследить, как на протяжении 1950–1980 гг. менялась парадигма модусного значения глагола *признаться*, а следовательно, насколько возможной осознавалась авторами словаря “старая” форма наст. несов. (*призна'юсь*):

(I) от парадигмы, собранной из глаголов разных видов – инфинитива сов. в. и 1-го л. несов. в. наст. вр. (перформативного употребления) как единственно возможного, (II) к выравниванию парадигмы по виду: *признаться – призн'аюсь*, в то время как форма 1-го л. наст. вр. (перформативная) стала лишь допустимой. Парадигма (I) представлена начиная с издания 1952 г. [11] (в первом издании 1949 г. [12] *признаться* имеет только одно, диктальное, значение). Парадигма (II) впервые отмечается в издании 1981 г. [13] и воспроизводится вплоть до современных изданий двух авторов – С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [14]. Интересно, что на некоторое время именно в те же годы проблема колебания в выборе между формами *призна'юсь* и *призн'аюсь* попала в сферу культуры речи. В частности, в детском издании “Ревизора” 1980 г. (т.е. до выхода Словаря Ожегова 1981 г. [13]) размечены ударения на окончании все употребления *признаюсь* (следовательно, рекомендуется форма наст. вр. – по норме XIX в.). При этом в “Словаре трудностей русского языка” Д.Э. Розенталя, М.А. Теленковой (1984) статья, посвященная глаголу *признаться*, отсутствует.

В начале XXI в. в разных лексикографических изданиях были приняты полярные решения. Так, толковый словарь [4] предлагает осовремененную парадигму второго значения, в которой участвуют только формы сов. в., а излюбленная форма XIX в. *призна'юсь* исключается. Напротив, толковый словарь [15] воспроизводит традиционное решение, повторяющее БАС [9]: для *признаться* (2) допускаются 1-е л. как наст. вр, так и буд. вр.; значение иллюстрируется примером *Призна'юсь, я плохо понимаю рок-музыку*, в котором глагольная форма, характерная для XIX в., соединена в рамках высказывания с новым вещественным содержанием.

3. *Признаюсь* в стихотворных текстах конца XVIII–XIX вв.

История словарная должна быть дополнена текстовыми данными той эпохи, когда формировались речевые тактики, связанные с употреблением речевой формулы *признаюсь*. История словарная открыта для читателя и исследователя, эксплицитна; эксплицитными могут быть и количественные характеристики, относящиеся к тексту, – частотность употребимости изучаемой формы. Ценный статистический материал дают сведения машинного анализа текста. Так, в докладе А.Я. Шайкевича [16] в рамках анализа лексики в русской прозе XIX в. (на материале кор-

пуса русской прозы 1815–1904 гг. (от Булгарина до Бунина) общим объемом 25 миллионов словоупотреблений) было показано, что употребимость *признаюсь* неуклонно падает на протяжении 70 лет – от 1820 к 1890, от 10–11 употреблений в 1820–40-е гг. до 1–2 в 1880–90-е гг.

Однако определение видо-временного значения формы *признаюсь* в тексте в связи с семантическими основаниями затруднительно в силу омографичности форм наст. и буд. В этих условиях выходом становится обращение к стихотворным текстам, в которых размер однозначно указывает на ударение. Поэтические тексты первой половины XIX в., доступные в электронных библиотеках, показывают подавляющее преобладание формы наст. вр., в основном в парентетической позиции; см., например:

- (4) *Покаемся, мои друзья!*
Ох, призна'юсь – хоть это мне и больно, –
Не прав и я! (Крылов, 1808).
- (5) *Сердце страстное пленилось;*
Призна'юсь – и я влюблен! (Пушкин, 1813).
- (6) *Я, призна'юсь, гляжу на все твои старанья*
И с чувством радости и с чувством со-
страданья (Веневитинов, 1826).
- (7) *Мой ум светлей отныне стал,*
И, призна'юсь, лишь в этот час
Я умереть бы не желал (Лермонтов, 1831)

В произведениях, относящихся к 1-й половине XIX в., форма с ударением на основе (буд. сов.) встретилась два раза – у Грибоедова и Некрасова, авторов, соединивших стихотворную форму с разговорной стихией. Интересно, что в этих случаях глагол употреблен не изолированно:

1) с выраженным адресатом, в присутствии наречного квалификатора, частицы (что согласуется с интерпретацией БАСа):

- (8) *Извольте продолжать, вам искренно призна'юсь,*
Такой же я, как вы, ужасный либерал!
(Грибоедов, Горе от ума, 1823–1824);

2) с выраженным субъектом в составе главного предложения сложноподчиненного изъяснительного:

- (9) *А всё же я призна'юсь,*
Что Гарцией порой
Так сильно восхищаюся,
Что слезы лью рекой. (Некрасов, Говорун, 1845).

Ср., однако, форму наст. с зависимыми:

- (10) *Лета к суровой прозе клонят,*
Лета шалунью рифму гонят,
И я – со вздохом призна'юсь –
За ней ленивей волочусь (Евгений Онегин).

В примерах из НКРЯ [17] в стихотворных произведениях, относящихся ко второй половине XVIII в. – середине XIX в., встретилось *призна'юсь* (буд. вр.) 7 раз (у Хераскова – 1758, Ржевского – 1761, Львова – 1792, Остолопова – 1805, Анастасевича – 1811, Хвостова – 1816, Щербины – 1843) – в парентетической позиции и в главном предложении сложноподчиненного с придаточным изъяснительным, как в сопровождении зависимых слов, так и изолированно; см., например:

- (11) *Я вреден, в том призна'юсь,*
Однако я угрозы твоих не опасуюсь
(Херасков).

В стихотворениях, относящихся ко второй половине XIX в., форма буд. сов. в. в НКРЯ встретилась 3 раза (А.К. Толстой, Огарев, Фет); см., например:

- (12) *Всё больше дива мне, призна'юсь откровенно!*
Препятствия во всём нарочно ищешь ты.
(Фет, 1886).

Данные разных корпусов свидетельствуют, таким образом, что речевая формула *признаюсь* постепенно теряла популярность, а если употреблялась, то форма наст. вр. несов. в. (с ударением на окончании) вытесняла в первой трети XIX в. форму буд. сов., середина XIX в. характеризуется возвратом буд. сов.

4. *Признаюсь* в письмах и журналистике Пушкина

По словам Т.В. Шмелевой, “интерес представляет прежде всего вопрос о том, когда и почему это происходит – экспликация модуса, а затем – каким образом, с помощью каких средств” [18, с.175]. Причины “экспликации модуса” в связи с *признаюсь* проследим на пушкинских текстах, прежде всего на письмах, по которым мы можем судить о выборе глагольной формы, обусловленном речевыми (и жанровыми) тактиками, тематикой, фактором адресата и т.п.

Известно, что для пушкинских текстов в словаре [3] фиксируется только форма наст. вр. – *призна'юсь*, которая выше мною названа констатирующей. Наст. вр. прямо подтверждается стихотворными произведениями Пушкина. Во-

влекая в рассмотрение русские и французские тексты (письма) Пушкина, мы получаем возможность сравнить, как воплощались формулы, связанные с глаголом *признаваться / признаться* и, соответственно, *avouer*, в текстах эпистолярного жанра на разных языках в рамках одного сознания, какие пересечения / расхождения возможны.

В связи с этой проблематикой письма Пушкина предоставляют очень интересный материал. Так, например, в русском письме № 90 деепричастие, рассогласованное с субъектом по лицу (его употребление можно объяснить влиянием французского), некорректно с точки зрения русской грамматики и подвергается авторской правке. См. [19, т. 13, с. 100]:

(13) *Вообрази мое отчаяние, когда увидел их напечатанными.*

Согласно комментарию издателей, первоначальный вариант был таков:

(14) *Вообрази мое отчаяние, увидев их напечатанными.*

Что касается употребления *avouer* ‘признаваться / признаться’ в французских письмах [19, т. 13–14], то интерес представляют как сами грамматические формы этого глагола, так и характер адресатов. Здесь отмечается четкая связь с типом адресата: данный глагол встречается в письмах к высшим официальным лицам (император Александр, Бенкендорф), в письмах к Геккерну, к дамам-приятельницам (преимущественно старшего возраста – В.Ф. Вяземская, Е.М. Хитрово, П.А. Осипова), в изысканной переписке с Чаадаевым; “семантические границы” авторских тактик в связи с выбором данной формулы можно определить так: от учтивости до дистанцирования по отношению к адресату. Глагол *avouer*, соотносящийся с Я-субъектом (в рамочной или парентетической позиции), представлен в основном в форме наст. вр. (например: *j'avoue que...*, *je vous avoue que...*, *j'avoue à ta honte que...*) – 10 раз, в форме инфинитива (*je suis obligé d'avouer que...*, *je dois l'avouer, il faut bien avouer que...*) – 4 раза, в форме буд. вр. (*Je vous avouerai que...*) – 1 раз. На последней форме следует остановиться особо: она не соответствует правилам французской грамматики. Это предложение из письма (№ 1294) к Геккерну драматического ноябрьского периода 1836 г.: *Je vous avouerai que je n'étais pas sans inquietude* (Признаюсь вам, я был не совсем спокоен). Письмо № 1294 является реконструкцией, осуществленной по двум перебеленным текстам (1294а и 1294б), сохранившимся в фрагментах (письма были разорваны). Примечательно,

что в обоих вариантах присутствует интересующее нас предложение с указанным написанием. Форма буд. вр. *avouerais* в рамочной Я-конструкции нехарактерна для французского – пишущий должен выбрать либо наст. время *avoue*, либо *conditionnel présent avouerais* (условное наклонение настоящего времени)³. Тем самым, отступление от правил продиктовано либо оплошностью – в форме *conditionnel* не дописана буква *s*, либо интерференцией с русским. Безусловно, сама возможность формы *признаюсь*, т.е. буд. вр., в речи Пушкина является чистым предположением, в то время как для русской речи и предыдущих, и последующих десятилетий такая форма достоверна: формы с ударением на основе встречаются в русской поэзии второй половины XVIII в., середины XIX в. (см. примеры в разделе 3).

Если выбор глагола *avouer* во французских письмах связан с типом адресата, то глагол *признаваться* в русских письмах имеет тяготение к определенной тематике (которая во многом обуславливает и круг адресатов). В русских письмах Пушкина *признаюсь* употребляется в основном в тех сообщениях, где речь идет о текущем литературном процессе, о впечатлениях, касающихся прочитанных новинок, обсуждаются фигуры литературных и журнальных деятелей. Адресатами здесь являются Катенин, Гнедич, Вяземский, Бестужев, Погодин, Лажечников, Плетнев, и *признаюсь* употреблено 12 раз из 19 (общего количества употреблений в письмах). Единичные употребления отмечаются в переписке на политические (ранний период – письма к Давыдову, А.И. Тургеневу) и деловые темы (письма к Жуковскому, Нащокину, Павлищеву). Связь *признаюсь* с литературно-критическим жанром подтверждается статистическими данными: согласно [3], всего в русских текстах Пушкина 80 употреблений *признаюсь*, из них 19 приходится на письма, 18 – на литературно-критические статьи.

Рассмотрим синтаксические и семантические условия употребления *признаюсь* в русских письмах. Синтаксические условия – это позиции, конструкции, семантические условия – это семантика предикатов, называющих ситуации, относительно которых делается “признание”.

По типу синтаксической позиции материал распределился следующим образом.

1) В начале предложения:

а) вводная позиция – 8 раз. Например:

³ Благодарю к.ф.н. Ю.О. Анохину за консультацию по французской грамматике.

(15) Но какова наша цензура? **признаюсь**, никак не ожидал от нее таких больших успехов в эстетике.

(16) **Признаюсь**, вряд ли кто даст вдвое, а о 60000 я не смею и думать;

б) главное предложение в составе сложноподчиненного – 3 раза. Например:

(17) **Признаюсь**, что одна только надежда получить из Москвы русские стихи Шапеля и Буало могла победить благословенную мою леность.

2) В середине предложения:

а) в составе сложного предложения после союза, вводящего присоединительное (модусно обусловленное) предложение. Является своеобразным тактическим приемом поворота темы – 4 раза. Например:

(18) Почитая прелестные ваши дарования и, **признаюсь**, невольно любя едкость вашей остроты, хотел я связаться с вами на письме, не из одного самолюбия, но также из любви к истине;

б) разрывает простое предложение – является синтаксическим средством, реализующим актуальное членение, т.е. находится между темой и ремой – 4 раза. Например:

(19) <...> я было, **признаюсь**, боялся, чтоб первое впечатление не ослабело потом; но нет – я все-таки при том же мнении: “Марфа” имеет европейское, высокое достоинство;

(20) За Василия Тредьяковского, **признаюсь**, я готов с вами поспорить.

По семантике предиката в реме (после *признаюсь*) примеры можно разделить на констатирующие (глаголы действия), эмотивные (обозначающие состояние), оценочные (качественные прилагательные). Констатирующие – предикаты действия, к которым автор хочет привлечь внимание адресата:

(21) Во-вторых, **признаюсь** тебе, что в числе моих стихотворений иные должны быть выключены, многие переправлены.

Особый интерес представляют два последних типа предикатов (эмотивные и оценочные). Оценочные предикаты могут относиться к адресату (в чем проявляется неуточность, осознаваемая автором):

(22) <...> **признаюсь** – это стихотворение недостойно ни тебя, ни Батюшкова.

Большинство предикатов в реме – эмотивные предикаты, относящиеся к Я. С помощью формулы *признаюсь* автор как будто неожиданно для себя и для адресата обнаруживает, что он может

испытывать эмоции, что является отступлением от идеального бесстрастного мужского поведения той эпохи:

(23) Радуюсь успехам Каратыгина и поздравляю его с твоим ободрением. **Признаюсь** – мочи нет хочется к вам;

(24) Жаль мне “Цветов” Дельвига; да надолго ли это его задержит в тине петербургской? Что погребла? **признаюсь**, и по них сердце болит;

(25) **Признаюсь**, мне немного на себя досадно, да, душа моя, – голова кругом идет.

Сюда же относятся все примеры, которыми выше иллюстрировались синтаксические позиции: с эмотивными Я-предикатами (*не ожидал, надежда, любя, боялся*). В последнем случае использование *признаюсь* связано с взаимодействием со сферой адресата и становится предупредительным сигналом для адресата о некотором отклонении говорящего от этикета, от образца, от поведенческого стандарта.

Сравнительно с письмами, литературно-критические статьи в целом аналогичны в плане употребительности *признаюсь* и по соотношению синтаксических позиций, и по семантике предиката. Исключение составляют два примера, в которых с точки зрения современной нормы *признаюсь* не осмысливается – вероятно, потому, что семантически форма не связана со сферами говорящего и адресата, *признаюсь* употреблено по отношению к третьим лицам, см., в частности:

(26) **Признаюсь**, вряд ли кому могло войти в голову, что эта песня была сатира на Наполеона.

5. Функции формы 1-го л. буд. вр. (*призна'юсь*) в речевом акте

Сама возможность выбора формы, а с формой и семантических оттенков интересна. Выбор между наст. несов. и буд. вр. сов. 1-го л. ед.ч. в соединении с особенностями лексической семантики глагола отражает разные речевые тактики, которые можно охарактеризовать таким образом: первая – сосредоточенность субъекта речи на собственном речевом действии, констатация, вторая – дистанцирование от собственного речевого действия и, как следствие, интерпретационный характер глагольной семантики.

Известно, что в современных исследованиях за отдельными речевыми глаголами признано перформативное значение как в форме 1-го л. наст., так и 1-го л. буд., см. [20]. Ср., например:

(27) *Попрошу предъявить документы*.

(28) *За это я тебя не похваляю*.

(29) *Пожелаю вам здоровья и успехов.*

Внимательный анализ пар высказываний, организованных речевыми глаголами в наст. вр. и буд. вр., показывает, что форма буд. вр. может иметь ограничения, касающиеся семантики и условий употребления, по сравнению с формой наст. вр. Так, перформативное значение имеет высказывание *Хвалю!*, в отличие от изолированного *Похвалю!* Буд. вр., скорее, несет семантику обещания, а перформативность глагол приобретает в присутствии отрицания и инверсированного порядка слов – глагол в реме:

(30) *За это я тебя не похвалю,*

ср. при нейтральном порядке слов и нейтральной интонации:

(31) **Не похвалю тебя за это.*

Ср. с “модальной загородкой” (Е.В. Падучева), которая возвращает смысл некорректным, неосмысляемым высказываниям:

(32) **Я ошибаюсь.*

(33) *Я не ошибаюсь?*

Если сама лексическая семантика глагола *хвалить* предполагает адресата низшего, чем говорящий, ранга (социального, возрастного), то высказывания, организованные глаголами *просить*, *желать* в форме 1-го л. наст. вр., могут быть обращены к адресату любого ранга – равного (к другу), низшего (к подчиненному), высшего (к начальнику), а глагол *просить* и к Богу. Напротив, *попрошу*, *пожелаю* предполагают лишь адресата низшего ранга. Тестом становится невозможность речевого акта с формами *попрошу*, *пожелаю*, обращенного к субъектам высшего ранга. Форма буд. может обнаруживать смещение лексического значения: только (снисходительное) требование (*попрошу*), в отличие от *прошу* (которое может выражать как просьбу, так и требование), снисходительность говорящего по отношению к адресату (*попрошу*, *пожелаю*).

Можно предположить, что в связи с тем, что буд. вр. модально нагружено: “ирреально”, связано с ожиданием, проспективно, в условиях диалога форма речевых глаголов 1-го л. буд. открывает возможности для особого взаимодействия с зоной адресата речи – род игры с ним и воздействия на него.

Возвращаясь к письмам Пушкина, можно предположить, что употребление *признаюсь* связано скорее с позой, маской говорящего, чем с искренностью высказывания. Работа идет не на внутреннюю рефлексивность, а на адресата, на “публику”. Это наблюдение согласуется с современными

интерпретациями глагола *признаюсь*. Согласно статье [21], глаголы, подобные *признаюсь*, (1) характеризуются особым качеством адресата: он является “получателем информации” (“тривиальный адресат”), часто неиндивидуализированный, не конкретный, неопределенный, не требует обязательного синтаксического воплощения (*признаюсь вам – признаюсь*), а также (2) имеют “в коммуникативном фокусе” “пропозициональное содержание”. Ср. также у А. Вежбицкой, которая вводит в толкование перформатива *признаюсь* семантический компонент “люди” (в отличие от индивидуализированного адресата в семантике глаголов *приглашаю*, *приказываю*, *прошу*), цит. по [21]. Употребительность формулы в пушкинских письмах в рамках литературной полемики может указывать на то, что эта формула участвовала в формировании поэтом “маски критика, журнального деятеля”.

Причину, по которой в дальнейшем, уже в послепушкинскую эпоху, предпочтительнее стала форма 1-го л. буд. вр., можно видеть в следующем. Возможности формы буд. вр. (“воздействие на адресата”) своеобразно соединились с лексической семантикой глагола *признаваться* / *признаться* (“отсутствие искренности”, публичность по А. Вежбицкой). Форма 1-го л. буд. приобретает рамочную, оформляющую, актуализирующую, “метатекстовую” функцию, направленную на членение текста (высказывания) и воздействие на внимание адресата. В этом проявляется своеобразное дистанцирование от собственного Я (взгляд на себя со стороны) и диалогизм, воздействие на адресата. В определенной мере тестом на признаки “диалогичность” и “воздействие на адресата”, которые можно усмотреть в форме *призн'аюсь*, являются высказывания, обращенные к Богу, см., например:

(34) *Признаюсь Тебе, Господи, я до сих пор не знаю, что такое время, но признаюсь, Господи, и в другом: я знаю, что говорю это во времени...* (Августин. Исповедь, XI, 32).

Произнесенное с *призн'аюсь* (буд. вр.), высказывание приобретает для нас черты панибратства, фамильярности, что, очевидно является следствием характеристик “диалогичность” и “воздействие на адресата”, “оперирование вниманием адресата”. Напротив, то же высказывание с *призна'юсь* (наст. вр.), обращенное к Богу, создает эффект погруженности в себя и откровенности.

Возможно, применительно к *признаюсь* имеет смысл разграничивать метатекстовую функцию (*призн'аюсь* – буд. вр., с признаками: слово о слове, диалогичность, воздействие) и перформатив-

ную (*призна'юсь* – наст. вр., с признаками: своеобразная монологичность, сосредоточенность на себе, рефлексия). Форма 1-го л. наст. речевого глагола *призна'юсь* выражает синхронность и синсемичность времени процесса речи и, тем самым, выражает внимание говорящего к содержанию своей речи, своеобразную авторефлексию; форма 1-го л. буд. сов.в. *призн'аюсь* продвигают внимание адресата вперед, к цели. Обе формы, таким образом, иконичны (обозначающее похоже на обозначаемое). Позиция формы *признаюсь* на стыке темы и ремы в свое время могла стимулировать смену вида и времени – от наст. вр. к буд. вр.

В определенной мере подтверждение того, что для русского *признаться* уже в XIX в. естественной была метатекстовая (интерпретирующая) роль, а с нею и предпочтение сов. в., может дать Словарь Даля [22]. В рамках словарной статьи ПРИЗНАТЬСЯ приводится подзначение “признаться или признаться сказать, род поговорки: сказать откровенно”. В толковании представлены только инфинитивы сов. в., а само подзначение сегодня можно интерпретировать в связи с речевым актом и с Я говорящего. Правда, реальными примерами оно не сопровождается, вслед за приведенным определением идет не относящийся к нему пример с диктальным *признаться*:

(35) *Сам признался, сам на себя и петлю надел.*

Рассмотренные особенности семантики и функции глагола *признаваться / признаться* (отсутствие искренности, формирование маски, “род поговорки”, разграничение темы и ремы) проявляются в условиях речевого акта, употреблением такого глагола говорящий осмысляет свою роль как субъекта речи (что проявляется в ограничениях парадигмы), взаимодействует с адресатом. В современных лексикографических исследованиях этот семантический сдвиг интерпретируется как “ослабленные употребления” [7]. Интересны те изменения, которые вносятся в толкование формы *признаюсь* в рамках одного методологического подхода (речь идет о МСШ) с течением времени. Так, М.Я. Гловинская в работе 1993 г. [8, с. 170] вводит в толкование глаголов группы “Признание” семантический компонент “человек говорит о том, о чем обычно умалчивает или говорит неохотно”. В более поздней работе 2004 г. Ю.Д. Апресян, М.Я. Гловинская [23, с. 855] отмечают, что в формах 1-го л. и инфинитива (т.е. связанных с предъявлением говорящим себя как субъекта речи) этот семантический компонент может сниматься. Тем самым можно сделать вывод, что стандартное определение глаголов этой семантической группы, связанное с открыванием

нежелательного, с “искренностью” и “откровенностью”, в большей степени применимо к формам *признаваться / признаться*, предполагающим субъекта не 1-го л. В свою очередь, 1-е л. в рамках речевого акта, скорее, предъявляет позу.

6. *Признаюсь, признаться* и семантика вида-времени

Обратная история выбора вида (а с ним и синтаксического времени) представлена в паре речевых формул *короче сказать* – *короче говоря*: от сов. к несов., от инфинитива к деепричастию. По данным [24], в XVIII–XIX вв. форма инфинитива (сов. в.) в формулах *короче говоря / короче сказать, лучше* или *вернее сказать* количественно не уступала, а возможно, и преобладала над формой деепричастия (несов. в.). К концу XIX в. деепричастия начинают вытеснять инфинитив, а в современных текстах преобладают. По данным НКРЯ [17] за 1890–1950 гг., на 131 употребление оборота *короче говоря* приходится 19 *короче сказать*, на 446 *иначе говоря* только 34 *иначе сказать* (соотношение приблизительно 7: 1, 13:1).

Интересны закономерности соединения вида и семантики оборота. Только с деепричастием, т.е. с несов. в., употребляются характеристика самого процесса речи по точности: *грубо говоря, условно говоря, собственно говоря, вообще говоря*; обороты для ввода темы: *говоря о чем-то*; отсылка к другому субъекту речи: *говоря словами классика*. Хотя в целом в данной паре оборотов инфинитив статистически подавляется деепричастием, инфинитив, тем не менее, предпочтителен при вводе добавочной информации: *кстати сказать, к слову сказать*, возможен при характеристике речи по истинности: *честно сказать, по совести сказать*. Такая семантическая дифференциация в паре оборотов с инфинитивом и деепричастием может быть связана с семантикой вида (и синтаксического времени). Выбирая интерпретирующий инфинитив сов. в. (синтаксическая семантика инфинитива перспективна), говорящий помещает в фокус внимания “план будущего” (возможно, цель речи) и демонстрирует временную отстраненность от момента речи. С помощью интерпретирующего деепричастия несов. в. говорящий, напротив, помещает в фокус внимания процесс речи: несов.в. оборота, синтаксически выражая наст. вр., “параллелен” моменту речи.

Два сюжета о глагольных формах “на службе у модуса” (Т.В. Шмелева) соединяются. Так, модусное значение глагола *признаться* (2) толкуется в традиционных словарях посредством перифразы

с помощью речевого глагола *говорить / сказать* в формах деепричастия и инфинитива: “говоря откровенно, если сказать правду” (толкование не меняется на протяжении более полувека – от 1930-х до 2000-х г.). Толкующие конструкции содержат в себе те же возможности в выборе речевой тактики и формы вида (и синтаксического времени), которые прослеживаются в употреблении *призна'юсь – призн'аюсь*.

Варианты выбора вида в парах речевых формул *призна'юсь – призн'аюсь*, *короче говоря – короче сказать* свидетельствуют о том, что в речевом акте вид Я-предиката, выражающего речевой модус, может быть связан с авторскими тактиками: несов. в. в речевой формуле синсемичен самому процессу речи (“актуальное настоящее”) и выражает сосредоточенность говорящего на собственной речи, сов. в. связан с “опережением” времени речи (“будущее”) и воздействием на адресата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Падучева Е.В. Вид и время перформативного глагола // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 37–42.
2. Вежбицка А. Метатекст в тексте // НЗЛ. Вып. 8. М., 1978. С. 402–422.
3. Виноградов В.В. (ред.). Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. 3. М., 2001.
4. Скворцов Л.И. (ред.). С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 2009.
5. Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 2006.
6. Ушаков Д.Н. (ред.). Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. М., 1939.
7. Апресян Ю.Д. (ред.). Новый объяснительный словарь синонимов. Москва; Вена, 2004.
8. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 158–218.
9. Чернышев В.И. (ред.). Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. Л., 1948–1965.
10. Евгеньева А.П. (ред.). Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 3. М., 1957–1961.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1949.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1952.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1981.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М., 1999.
15. Кузнецов С.А. (ред.). Большой толковый словарь. СПб., 2000.
16. Шайкевич А.Я. Лексическая динамика русской прозы XIX в. // http://www.ruslang.ru/doc/seminar_aut_lexicogr_shajkevich.pdf.
17. НКРЯ – www.ruscorpora.ru
18. Шмелева Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988. С. 168–202.
19. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 16 т. М.; Л., 1937–1949.
20. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и в словаре // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1986. № 3. С. 208–223.
21. Кустова Г.И., Падучева Е.В. Перформативные глаголы в неперформативных употреблениях // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 30–37.
22. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3. М., 1907.
23. Апресян Ю.Д., Гловинская М.Я. Словарная статья *признаваться I* // Новый объяснительный словарь синонимов. Москва; Вена, 2004. С. 854–860.
24. Онипенко Н.К., Биккулова О.С. И вновь о “деепричастии на службе у модуса” // Человек, язык и текст. Великий Новгород, 2011. С. 58–69.